

Роман Любарський. Статті

"Господа елисаветградцы"

Эмиль Эбергардович Бургард. Родился в 1869 году в семье обрусевшего немца. Образование начал в Елисаветградском Земском Реальном Училище, закончил - в Рижском технологическом институте. Его отец, пройдя путь от простого рабочего до мастера-механика, объединяет под своим началом несколько мастерских по ремонту сельскохозяйственной техники, а в 1867 году открывает "Завод земледельческих машин и орудий", который позднее превратился в Акционерное общество "Э.Бургард и К°".

В 1913 году завод выпускал около 20 наименований продукции (конные молотилки с приводами, бункера, одно- и многолемешные плуги, маслобойные и мельничные машины, сноповязалки, жатки, корнерезки и пр.). Многие из них были удостоены на курсах и выставках (как в России, так и за рубежом) высших наград. В 1915 году Бургард продает завод некоему Гронфайну из Киева.

Завод Бургарда занимал большой прямоугольник земли (ныне ул. Гоголя и ул.Одесская). До последнего времени на его территории находился учебный корпус и мастерские техникума сельхозмеханизации.

Э.Э.Бургард умер в Кировограде в 1943 году. Похоронен на лютеранском кладбище (ныне не существует). Там же покоились его младший брат и жена Эмилия Павловна.

Неизвестно, проезжал ли по нашим славным краям знаменитый итальянский авантюрист, маг и чародей граф Калиостро. Но то, что в Елисаветграде еще в середине 19-го века поселились итальянцы, доподлинно известно. По данным городской статистики начала 20-го века, проживало их здесь около ста человек. Как таковой сплоченной итальянской общины в Елисаветграде не было. Центрами их общения, культурной и духовной жизни были католический костел и театр. Селились они на разных улицах и жили не так компактно, как, например, греки или евреи.

Из старых елисаветградских газет, архивных материалов и других источников до нас дошли только отрывочные сведения о некоторых осевших здесь итальянцах. Например, семья Мариани держала биоскоп (предшественник синемаатографа) "Звезда", **Чито** (на фото слева) и **Пьетроколобыли**

Терехова, Н. Бурляев, К. Занусси и другие мастера искусства. Через десять лет появилась ее книга «Осколки зеркала», которая из небольших рассказов и новелл, как из осколков, воссоздает рассыпанный во времени портрет семьи. Нелегко, однако, для Марины Арсеньевны шел этот поиск и осознание места каждого из героев в общей судьбе. И она написала книгу, выходящую за рамки обычной мемуарной литературы. Сюжет ее животворен, он вырастает как бы поверх коротких и выразительных рассказов, где герои перекликаются в диалоге не только кровного, но и духовно близкого родства, как ветви одного ствола.

Александр Карлович Тарковский

Александр Карлович,
отец Арсения
Тарковского

Поэты Арсений Тарковский и Александр
Твардовский на фронте, 1943 год

Андрей Тарковский,
сын Арсения Тарковского

На женскую долю в роду Тарковских часто выпадали тяжелые испытания. Ждать приходилось и Александре Сорокиной (первой жене Александра Карловича), когда муж вернется из тюрьмы, а затем из ссылки, и Марии Вишняковой (матери Андрея и Марины), когда придет с войны Арсений Александрович, и самой Марине Тарковской – брата из эмиграции.

И еще: вот уже много лет она каждый год с волнением ждет сына Михаила из енисейской таежной глубинки, где он работает охотоведом и пишет книги. Одна из них «Замороженное время» (изд. «Андреевский флаг», Москва, 2003) как бы переключается с названием книги Андрея Тарковского «Запечатленное время» (изд. «Ульштайн», Берлин, 1985). Но повести и рассказы в ней отнюдь не о кино, они – о таежниках, для которых каждый день жизни – не подачка свыше, а «замороженное», иначе длящееся (present continuous) время, от зари и до зари, ежечасно и ежеминутно наполненное преодолением, терпением и любовью. Видимо, не случайно Михаил попал в эти края. Именно здесь, в Туруханском крае, отбывал ссылку его прадед-народоволец. Не случайно Михаил унаследовал дар слова и свободолюбия от деда и прадеда. «На каждый звук есть эхо на земле...»

Арсений Тарковский – поэт от Бога. В прямом и переносном смысле. Его поэзия, его работа над Словом – есть со-творчество, продолжение дерзаний и мук Творца. Однако, не только первое слово божественной истории – Ветхий Завет, но и второе – Евангелие – близко и дорого поэту. Правда, имя Бога-Слова-Христа он произносит редко. Может быть, причиной тому – глубина религиозного чувства, внутренняя сосредоточенность и тишина? Ведь сам дух Арсения Тарковского проникнут Любовью Христовой. Фигуры умолчания, напряженное внимание, преклонение перед высшей тайной – свидетельство его необыкновенной чуткости и мастерства.

Среди прочих Арсений Тарковский очень любил пушкинское стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный». Почему настолько любимое, объяснялось так: потому что кристально, потому что без метафор и других фигур. Но, наверное, еще и потому, что в стихотворении шла речь о безусловной вере, к которой Тарковский стремился, которой считал себя удостоенным. Вера поэта – это состояние его бытия: в постоянном порыве к возвышенному и – одновременно – в покаянном чувстве. Она противоречива, как и любовь, ибо парит в восходящих и нисходящих потоках. Она ищет Бога и обращается к людям.

Высокие правдивые слова, звучащие в стихах Арсения Тарковского нашли отклик в сердцах уже нескольких поколений читателей. Рецензируя книгу поэта «От юности до старости», писатель

В живую, а не мифологическую картину купальской ночи автор вводит нас сразу, обозначая непосредственно и внешнее и внутреннее состояние.

*Не уходи, огни купальской ночи
В неверном сердце накопили яд.*

Каков же этот «яд», когда поэту всего лишь 20 лет? Что это, юношеский максимализм? Подражание Байрону, Лермонтову, Белому, которых он очень любил? Любовное страдание, доведенное до отчаяния, с одной стороны?

*А в лес пойдешь, и на тебя глядят
Веселых ведьм украинские очи.*

С другой стороны, именно этот юношеский озорной взгляд очень оживляет картину купальской ночи, делает ее романтически приподнятой. Да, мы смотрим на нее его глазами, хотя в стихотворении присутствуют два героя – мужчина и женщина. Их скрытый диалог – одна из загадок. Голос первого – живой, взволнованный и проникновенный голос автора. Голос второй не слышен. Но... она здесь, рядом. Автор постоянно обращается к ней: «Я говорил с тобою, Катерина...». Кто же скрывается за этим именем?

Поначалу, при первом прочтении, возникла ассоциация с шевченковской Катериной («Я слышал плач...»). Но затем она была отвергнута по ряду причин. Основная из них: в отличие от Катерины Тарковского, шевченковская героиня – образ социальный, обусловленный конкретным временем, образ, увы, не возвышающий душу, а, скорее, вызывающий жалость.

Катерина Тарковского, с одной стороны, реальна (у нее все же есть прообраз), с другой – надмирна, эфемерна, она как бы парит над временем – историческим и поэтическим, приобретает высокое символическое звучание. И по некоторым признакам, вторую её ипостась можно соотнести с образом святой Екатерины Александрийской.

Имя, под которым Арсений Тарковский возможно умышленно скрыл настоящую героиню, имеет в корне своем значение чистоты, непорочности. Этими качествами обладала его елисаветградская возлюбленная. Этим славилась и Екатерина Александрийская. «Золотая легенда» повествует о том, что она была царского происхождения, обратилась в христианство, была крещена неким пустынником и в видении пережила мистическое бракосочетание с Христом.

Император Максенций казнил Екатерину за непреклонное исповедование веры. Она была обезглавлена, и ее тело перенесено ангелами в монастырь на гору Синай, в котором эти реликвии до сих пор и хранятся. Среди святых девственниц Екатерина была второй и в популярности уступала лишь Марии Магдалине. Живописцы итальянской школы часто обращались к образу святой Екатерины.

Арсений Александрович с юношеских лет увлекался живописью вообще и, в частности, очень любил итальянское Возрождение. Возможно, под влиянием именно этого сюжета и родились строки:

*Я говорил с тобою, Катерина,
Как только перед смертью говорят.*

Позднее этот сюжет отзовется и развернется несколько шире в стихотворении «Дерево Жанны», которая, кстати, и обращалась в своих молитвах к св. Екатерине:

*Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна Д'арк.
Какие голоса тогда поют!*

застолью. Наверное, поэтому даже спустя семь лет после ухода Петра, порой я ощущаю его присутствие. И все же мне очень не достает его... Его оптимизма, его шуток, его улыбки...

Он был настоящим товарищем. Именно тем, единственным, на которого всегда можно положиться. Советом которого дорожишь. Он был добр и справедлив. Подчас, предельно строг и требователен в понимании такой справедливости. Но суровые интонации и жесткие оценки естественным образом перемежались мягким юмором.

Да, его привлекала национальная идея. Однако он не был радикально настроенным украинофилом. Потому что хорошо изучил уроки истории. Потому что понимал: «национальная идея» может быть как объединяющей, так и разрушающей силой. В зависимости от того, кто и как ею манипулирует. За цветами национального флага он видел весь спектр культур и верований, что оставили свой след на этой земле.

Да, он искренне любил Украину и родной край. Поэтому всеми силами стремился восстановить вырванные и перевернутые страницы ее истории. Петр стал одним из первых кировоградских краеведов, кто попытался в полном объеме вернуть этой земле ее историческое прошлое. Прежде, чем популяризировать его в разножанровых публикациях на страницах газет, он скрупулезно изучал, штудировал, конспектировал массу источников – от архивных документов до научных монографий.

Петр имел завидную, удивительную работоспособность. Одному только Богу ведомо, какую боль он преодолевал при этом. С двенадцати лет он боролся с болезнью, которая постепенно подтачивала и разрушала здоровье. Мучительно болели мышцы и суставы, порой отнималась нога, но Петр не любил подолгу лежать и сидеть «на больничном». В любую погоду пешком на работу, в областной краеведческий музей, и назад – нелегкий путь для такого ходока. В редких случаях он жаловался на это. Или на нехватку средств, например. Глаза его всегда оставались светлы, взгляд – радушным.

Петр знал, что умирает. Примерно за год до 21 июля 1998 года я навесил его в больнице, куда он попал во время очередного кризиса. Несколько недель состояние его оставалось сложным. Жена постоянно дежурила у его постели. Петя был без сознания. Мертвенная бледность заливала его лицо. Но вот он пришел в себя, улыбнулся одними глазами и тихо произнес: «Кажется, я слышал ангелов... Нет, мне не страшно. Но так хочется жить... Хотя бы еще лет пять-десять... Столько еще нужно сделать. Да и пацанов на ноги поставить.»

Но больше он помнится мне другим: всегда улыбающийся навстречу друзьям; с цитатой, с прибауткой, со свежим анекдотом на губах; радующийся, как ребенок, и новой архивной находке, и выходу своей первой краеведческой книжицы «Козаки не за порогами» или сатирической повести, написанной совместно с О. Бондарем. И так хочется порой, чтобы он снова осторожно, бочком, из-за больной и постоянно перевязанной ноги, спустился в наш излюбленный «подвальчик» на углу Шевченко и Луначарского: «Ну, что, Петруха, усугубим?» «Заметь, не я первый это предложил!» - озорно ответит он. И пойдет застольная беседа, и станут подходить друзья-товарищи, и шутивно будут раздаваться автографы, и «тостуемый» будет пить до дна, и песня вырвется из-под свода на улицу, и колесо жизни будет вращаться и поднимать нас, чтобы потом опять опустить на грешную землю. На ту землю, где успел оставить свой след Петр Кизименко. Где жива и, хочется верить, долго еще будет жить память о нем.

Роман Любарский.

* * *

Друзья уходят... Или предают...
В такие дебри черти их заводят.
И там они других друзей заводят,
Клянутся в верности, пьют и пиво пьют.

Александровича, для тех, кто уже не первый год последовательно, по крупицам, собирает и изучает историю семьи и рода Тарковских.

Прочтение и детальный анализ данного издания приводят нас к двум нелицеприятным выводам. Первый: заслуженный деятель искусств РФ, профессор Паола Дмитриевна Волкова, поддавшись искушению внедриться в семейный архив Тарковских, односторонне использовала и опубликовала многие (порой личного, интимного характера) документы без необходимого на то разрешения и комментария наследников. Второй: фактографические и стилистические ошибки «золотыми россыпями» лежат в тексте книги П.Д.Волковой.

Как бы оттенив в заглавии свою позицию и обезопасив себя «теорией мифа», г-жа Волкова в части первой («Предания и быль родословия Тарковских, или Родословная как миф») затем смело переходит границу, отделяющую версии и предположения от реальных исторических документов, и по существу навязывает читателю давно взлелеянные ею «дагестанские» корни Тарковских.

Проводя в жизнь свою – «шамхальскую» – идею, г-жа Волкова намеренно закрывает глаза на многие очевидные факты. Проведем, например, такую параллель. На странице 21 автор пишет: «История Тарковских собирается из дошедших до нас мизерных сведений от периода полуполюгендарной истории до принятия православия в начале XIX века...» Да, исторические сведения не многочисленны, но не настолько мизерны и затемнены. Ибо реально существует родословная «О Дворянстве рода Тарковских 1828 года №172», и прослеживается она с 25 февраля 1780 года от Францишка и Элеоноры Тарковских, греко-католиков Заславского приходского костела Волынской губернии.

Часть вторая книги в отличие от первой названа просто и непритязательно: «На берегах Ингулы». Здесь, в первом же предложении, искушенный читатель найдет три ошибки. При всем при том, мы даже готовы две принять за одну. Итак: не удосужившись заглянуть ни в географические атласы, ни в энциклопедии и справочники, г-жа Волкова произвольно переименовала реку Ингул, назвав ее притоком «северного Буга» (которого не существует!), но не Южного Буга, как того требуют география, картография и орфография. И третья ошибка, слившаяся в одну то ли по вине двух государынь, то ли – с легкой руки профессора Волковой – в силу шахматной рокировки в короткую сторону (с.29): «...В середине XVIII века повелением государыни Елизаветы возвели военный форт – «Крепость св. Екатерины». На самом деле Ея Указом от 29 декабря 1751 года генерал-майору Глебову велено было водворить переселенцев в названных землях и построить на Ингуле фортецию, что и было исполнено оным в точности. Строительство крепости (велось под руководством инженер-полковника Менцелиуса) закончилось 18 июня 1754 года. И наречена она была в честь святой Елисаветы.

Цитируем далее (с.31): «Дело в том, что Елисаветграду и его жителям повезло. Город не был уездным. Уездным был Херсон». Если это метафора, мы готовы ее принять. Если это научное суждение, оно неверно. Елисаветград несколько раз менял свой административно-территориальный статус, но большую часть исторического времени был известен как уездный город. Что и отражено в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

К стилистическим ошибкам, на наш взгляд, следует отнести следующие. Страница 31: «Белый, утопающий в зелени каштанов и акаций, славившийся своими бахчами, садами и арбузами...» (Кстати, арбузами более всего славилась и славится доньне Херсонщина.) Страница 47: «Александр Карлович знал естественные науки, математику, географию. Нам сегодня, несмотря на поток информации, трудно представить, каким был образованный, думающий человек конца XIX века. Особенно в отношении круга их чтения». На этой же странице, в сноске, мы находим фактографическую ошибку: «Евгений Чекаленко был другом А.К., состоял в «Народной воле». На самом деле Е. Чикаленко действительно некоторое время был гимназическим товарищем Александра Карловича, но затем пути их разошлись именно потому, что тот стал более радикальным сторонником украинофильского движения, членом «Новой Громады».

Поразительно, как вольно г-жа Волкова (начиная со страницы 35 и далее) обращается с украинскими именами, фамилиями, названиями песен, пытаясь то перевести их на русский язык, то передать с

помощью транскрипции или транслитерации. Отсюда – масса несуразностей. Так, например, псевдоним корифея украинского театра, режиссера, драматурга и актера И. К. Тобилевича под ее пером превращается в «Карпенко-Кара». Хотя склоняется он так:

И.п. Карпенко-Карый.

Р.п. Карпенко-Карого.

Д.п. Карпенко-Карому,

и т.д.

На странице 40 читаем: «Марко Лукич Кропивницкий – создатель театра, режиссер, выдающийся актер, писатель, поэт, певец, музыкант, педагог». Однако Театральная Энциклопедия (Т.3, Москва, 1964 г.) дает нам несколько иную – более точную – информацию: «Кропивницкий, Марк Лукич /25.IV (7.V). 1840, Бежбайраки Елисаветградского уезда, 8 (21).IV. 1910/ - украинский драматург, театральный деятель, режиссер, актер, композитор, художник». Его младший соратник из плеяды украинских театральных корифеев Петр Карпович Саксаганский под пером П.Д.Волковой становится Саксаганьским, а «Товарищество русско-малороссийских артистов» – Товариществом русско-малороссийских артистов (с.41).

На странице 42 находим еще один перл словотворчества г-жи Волковой: «Мы забыли еще рассказать о Миколо Вакуленко и его жене...» Естественно, если бы речь шла о Никколо Паганини, у нас никаких вопросов к госпоже профессору не возникло бы. Теперь же мы просто обязаны уточнить: неужели имя Мыкола (Николай) считается иноязычным словом в русской грамматике? Может, такое небрежение идет от отношения П.Д.Волковой к украинцам как к «малороссам» («Малороссы – песняры, обладатели дивных голосов...» читаем на с.43)? Или – от восторженной увлеченности мнимым «шамхальством» Тарковских? Ведь для нее главное – создать экспрессию, употребив как можно больше эпитетов, оценочных слов, а кому принадлежит пьеса «Назар Стодоля» – Т.Г.Шевченко или Карпенко-Карому – это уже не столь важно (см. с.36).

Так же, по-видимому, не суть важны для г-жи профессора и другие фигуры, эпизодические встречи** с которыми она использовала лишь для получения и вычленения интересной информации, не более. Иначе, чем тогда объясняется то, что в сноске на странице 49 бывший директор музея-заповедника «Хутор Надия» Николай Васильевич Хомандюк переименован в Николая Викторовича, а кировоградский книголюб и краевед Александр Викторович Чуднов – двумя абзацами выше – превращен в женщину. Цитируем: «В 20-х годах Александр Тарковский написал бесценный по значению текст, подготовленный к публикации О.Чудновой, «Очерки революционного движения в 80-х годах в Елисаветграде»,*** опубликованный в газете «Елисаветград», выпуск №9, 1992.» Заметим также, что газета эта на самом деле называлась «Елисавет», а гимназией, в которую в возрасте семи, а не «девяти лет Арсения Тарковского определили учиться» (с.79) руководил Мелентий Карпович Крыжановский, а не Кжановский, как явствует из текста П.Д.Волковой.

На наш взгляд, книга профессора П.Д. Волковой не имеет права претендовать на достоверность, более того: ее фактографическая основа искажена, а концептуальная – ущербна. Ибо подтасовка недостоверных биографических фактов и эстетических категорий творчества Арсения и Андрея Тарковских под некий апокриф извращают восприятие читателей.

Ибо значение и наследие этих художников выходит за рамки любой отдельно взятой национальной культуры. Они принадлежат всему миру. «И потому правы те, – как вдохновенно пишет Иван Александрович Ильин, – которые рассматривают гениального художника как дитя Божие, свободно нашедшее законы художественной необходимости. Действительно, такой художник кажется нам “богорожденным существом”, личным чудом Вселенной».

Приблизно в 1905-1907 рр.. за сприяння вченого товариства ім. Рудольфа Вірхова Самуїл Вайсенберг здійснив ряд наукових подорожей до Палестини, в Туреччину, Сирію, Ірак, Йемен, Північну Африку, по Кавказу і Середній Азії. Результатом поїздок став ряд фундаментальних робіт і статей, опублікованих у наукових виданнях Німеччини та Австрії. Кілька досліджень С. Вайсенберга присвячені караїмам, на думку вченого, - нащадкам стародавніх хазарських племен, що сповідували один з напрямків іудаїзму. Провівши обстеження і антропологічні вимірювання в караїмських громадах Криму, Литви та Єлисаветграда, він намагається довести, що існує спорідненість між караїмами і татарами і що караїми з'явилися в результаті кровозмішення євреїв і тюрків. Врешті-решт, він визначає караїмів як тюрків і, зокрема, зближує їх з башкирами. (Див. журнал "Єврейська старина", СПб, 1910 р.)

Все вищесказане дало підставу одному з укладачів «Єврейської енциклопедії» назвати С.А. Вайсенберга «можливо, найвидатнішим після Чезаре Ломброзо представником першого покоління єврейських антропологів, які вивчали етнічні та фізичні дані євреїв».

Підкреслимо, накопичені знання не лежали мертвим вантажем, а вельми інтенсивно використовувалися доктором Вайсенбергом. А в поєднанні з його активною життєвою позицією давали і зовсім вражаючі результати. Зараз можна лише дивуватися, як цей вже немолодий чоловік міг читати популярні лекції чи не одночасно в декількох містах Російської імперії (Петербург, Москва, Одеса). При цьому він продовжував трудитися над своїми розробками, та ще й практикував як лікар і господар приватної лікарні в Єлисаветграді.

У газеті того часу «Голос Юга» не рідкістю були такі оголошення: «Зал Дворянського Зібрання. У вівторок, 11 квітня, відбудеться лекція д-ра С.А. Вайсенберга на користь дитячих осередків, що утримуються місцевим відділенням Товариства охорони здоров'я євреїв, на тему: "Євреї як народ і як раса"». Потрібно думати, що оголошення ці не обходила своєю увагою прогресивна єлисаветградська інтелігенція.

Як ми вже відзначали, крім серйозних наукових праць і досліджень, д-р Вайсенберг досить широко і довго займався лікарською практикою. У його великому двоповерховому будинку на розі Іванівської (нині Чорновола) і Московської (Дзержинського) перебувала приватна лікарня, де лікар разом з дружиною Доротеєю і невеликим штатом медсестер вів прийом і стаціонарне лікування «по внутрішніх жіночих хворобах». На цьому терені Вайсенберг також здобув собі чималу славу, повагу і кошти. Будучи дорогим лікарем-акушером, дружин робітників і небагатих городян він лікував безкоштовно. На знак подяки за добре ставлення у дні петлюрівських і григор'євських погромів єлисаветградські пожежники, що перебували по сусідству, виставляли охорону і захищали будинок Вайсенберга.

У 20-ті роки минулого століття на Всеукраїнських і Всеросійських з'їздах епідеміологів та бактеріологів активно обговорювалися питання подолання наслідків голоду, враховуючи досвід, набутий у 1919-1921 роках у південних районах України. «Жодне з наукових установ України і Росії не провело таких численних і різнобічних досліджень голодуючих, як це було зроблено представниками кафедри географії та антропології України», - наголошувалося в редакційній статті журналу «Наука в Україні». Цими дослідженнями професійно займалася відносно невелика група вчених-медиків. У їх числі був і доктор Вайсенберг. За матеріалами, зібраними в Криму та Єлисаветграді, він і професор В. Штефко підготували публікації, де містяться висновки про різке ослаблення населення голодуючих районів. Видавництво «Наукова думка» надрукувало їхні праці під промовистою назвою: «Про голод». Вчені підкреслювали, що в місцях голодування різко впала народжуваність, у малюків почастішали прояви аномалій, у дорослих передчасно з'являлися ознаки старіння: вицвітали очі, втрачала пружність шкіра, випадали зуби. Крім того, внутрішні процеси в організмі істотно позначалися на психіці голодуючих. Пригнічений стан, що супроводжується відсутністю людських почуттів, отримало назву «розумової порожнечі». Нестерпні муки впливали на дії людей і мали епідемічний характер. Пацієнтка, яка зізналася в канібалізмі, мотивувала це так: бажання вбити і з'їсти свою дитину виникло після почутого від інших.

Такі відверті дослідження в людяножерській державі не проходять марно. Це невдовзі агукнеться докторові Вайсенбергу.

Сюрреалізм кіровоградського Гойї: провокація чи заклик до відродження? Багатослів'я, кажуть східні мудреці, далекий кордон нещирості. На відкритті чергової виставки своїх робіт Володимир Кир'янов був небагатослівним. І це зрозуміло: більше, ніж слова, про майстра розповідають його роботи. А їх цього разу у залах відділу мистецтв ОНБ ім. Чижевського виставлено понад 60.

Це вже третя за останні чверть віку експозиція творів кіровоградського художника у стінах обласної бібліотеки. Перша відбулася 1985 року, друга – 1996-го. Така співдружність свідчить, перш за все, про стійкий інтерес до його творчості як з боку працівників цього осередку культури, так і його відвідувачів. За перший тиждень виставки, а вона експонуватиметься впродовж двох місяців, тут побувало понад 300 прихильників цього виду мистецтва.

На будь-якій виставці графічні роботи Володимира Кир'янова завжди вирізняються з-поміж інших. Тому що мають оригінальний почерк, особливу стилістику. Вони пересипані гумором, іронією і гротеском. Коли їх концентрація набирає критичної маси (а це дуже помітно на цій виставці), такий художній «розчин» стає сатирою. Іноді – з апокаліптичним присмаком. І навіть не важливо, що певна їх частина – це не закінчені роботи, а ескізи. Важливіше те, який філософський підтекст вони несуть. Так, він не тішить уяву вдумливого глядача. Він бентежить, лякає, змушує замислитися.

Кожна фігура, кожна деталь, що витекли з підсвідомості автора, складаються у символічну картину світу. Точніше, антисвіту. Де фаготи, азазелли, бегемоти та їм подібні глузують над усім праведним і божественним. Де маленька людина заплутана тенетами і павутинням облуди, лукавства, хтивості, гордині, користолюбства. Де працюють подвійні стандарти. Де давно знецінені істина і добро, моральність і краса.

Матеріалізуючи таким чином свою творчу енергію, Володимир Кир'янов мовою образів веде художню боротьбу за визволення людини. Від духовного злидарства. Від підступного гріха. Від мертвотного егоїзму. Від соціального приниження, національних забобонів, обмеженості та невігластва. Це можна углядіти в таких роботах як «Доли», «Заклик», «Гоголь», «Пташиний грип», «Дотик», «Падіння Єрихона» та інших. Лише один малюнок в експозиції вибивається з ряду відвертого та напівзавуальованого «сюру» - «Нічний сніданок». Попри парадоксальну назву, це доволі лірична картинка, яку можна прочитати як романтичний любовний трикутник. Хоча в третій персоні угадується знову ж таки біблійний спокусник. Побачити її тут було великою несподіванкою. Але це наводить на роздум, що автору ніщо не чуже. Навіть традиційне відображення відомого сюжету.

На відкритті виставки відомий журналіст і мистецтвознавець Броніслав Куманський назвав Володимира Кир'янова «кіровоградський Гойя». Звичайно, то було сказано з посмішкою. Але ця гіпербола не на користь Кіровограда, якщо продовжити аналогію творів нашого графіка з «Капричос» великого іспанця.

Следы драмы или Photoshop'а? (Цифровые грезы: подлог ценностей)

Эдмундо Пас Сольдан.

Звучит, как песенная, поэтическая строка. Ложится в ритм. Высекает искру. Предполагает талант. Обязывает поднять его до солнечных высот.

Писательский дар этого человека уже успел заявить о себе несколькими книгами. Его сравнивают с Борхесом и Кортасаром, Гибсоном и Пелевиным. Что можно оспаривать. Несомненно одно: его талант находится в развитии, в творческом поиске. На рубеже веков он стал новой звездой концептуальной

испаноязычной прозы. К русскоязычному читателю Сольдан пришел только в 2004 году с романом «Цифровые грезы».

Некоторые критики и книжники-обозреватели поспешили причислить этот роман и самого писателя к кибер-панкам. Посмотреть глубже им, видимо, мешает собственная компьютерная зависимость. Похоже, они сами отравлены «цифрой», поэтому и ставят ее на первое место. Да, высокие технологии основательно внедрились, а правдивее было бы сказать, вмешались в нашу жизнь. Именно вмешались. Смутив и соблазнив быстротой и легкостью операций. Заменяв человеческую память на компьютерную. Глаза – на веб-камеры. Вытесняя рефлексии в виде тревог и волнений, терзаний и сомнений. Сводя до минимума, а то и напрочь стирая чувства любви и преданности, чести и долга, красоты и гармонии. Подменяя неоднозначный живой реальный мир виртуальным. То есть фальшивым.

Что же при этом происходит? Постепенно исчезает, а затем и полностью утрачивается представление о том, что жизнь есть чудо, данное нам Свыше. Из жизни уходят удивление и трепет, благодать и красота, истина и справедливость. Игра солнечного света, переливы красок на восходе и закате заменяются мерцанием мониторов РС, услугами Инета и версиями Photoshop'a. Мы видим это на примере нескольких персонажей и главного героя «Цифровых грёз». Из жизни Себастьяна уходит не только красота и любовь, но и правда. Поддавшись дьявольскому искушению стать «тайным владельцем тайн» и подзаработать, от Цифровых Созданий он переходит к корректировке истории и современности родной страны – Боливии. Пойдя в услужение к диктатору, он фальсифицировал жизнь до того момента, пока не «почувствовал, что задыхается».

Можно ли при этом согласиться с тем, что Интернет, PhotoShop, Apple iMac стали полноценными героями романа? Нет! Напротив, драматическая коллизия романа Сольдана очень близка «Преступлению и наказанию» Достоевского. Да, Сольдан открыл нам нового героя. Героя времени новейших компьютерных технологий. Выявил и достаточно точно описал его психологию, меняющуюся под влиянием этих технологий. Однако, как ни странно – при разности эпох, стран и менталитета – прозвучит это сравнение, внутренний мотив Себастьяна сродни мучительному вопросу Родиона Раскольникова: «Тварь ли я дрожащая, или право имею?». С той лишь разницей, что его инструментом в решении этого вопроса стал компьютер.

Роман Сольдана имеет все признаки психологической драмы. Они проступают уже сквозь первые строки, просматриваются в напряженном ритме сюжета, становятся всё ощутимее, острее во внутренних монологах Себастьяна и Никки и, наконец, достигают трагедийного звучания в финале. Конфликт между реальностью и ее отражением в сознании героя вызван и спровоцирован именно быстрым наращиванием компьютерных технологий. Которые меняют до неузнаваемости не сам мир, а представления о нём. Что является следствием психической контузии после информационного взрыва.

Вот один из отзывов о романе, выложенный в Сети под ником Психе (с сохранением стиля и орфографии оригинала):

эдмундо пас сольдан "цифровые грезы"

всега два вопроса мучившие во время осиливания этого произведения:

раз: реальность, это ты реальность?

два: как же доказать себе свою реальность?

Подобные вопросы загоняют психически неустойчивых или ранимых людей в ловушку. Подкупленные и замороченные «цифрой», они настолько глубоко проникаются и пропитываются вторичной реальностью, что в один прекрасный день перестают идентифицировать себя с обычными людьми. В романе этот процесс впечатляюще раскрывается на примере коллеги Себастьяна толстяка Пикселя. То, что случилось с ним, лишь недавно ученые определили как синдром XXI века и назвали это психическое расстройство «синдром Трумена». В реальности таких Пикселей, ставших пациентами разных клиник, уже десятки. Так, например, австрийские врачи имели дело с женщиной, которая была абсолютно уверена, что превратилась в ходячую веб-камеру.

Синдром Трумена – один из вызовов нового времени. Пророческий дар Сольдана заявил об этом раньше, на рубеже веков. Писатель, если смотреть на его творчество шире, показывает, как с безгранично растущим влиянием цифровых технологий меняется и само общение между людьми, и их восприятие такого общения. Увы, мы уже начинаем свыкаться с тем, что люди годами (есть и такие примеры) отождествляют себя с героями компьютерных игр, принимают за настоящий разговор переписку по ICQ, а за поддержание отношений с друзьями – отправку сообщения в блог. Простой звонок по телефону заменяется коротким SMS, а редкие бумажные письма – завалом сообщений вперемешку со спамом в электронной почте. А ведь по такому пути постижения мира вслед за взрослыми уже идут дети. И это страшнее всего.

Многие психиатры полагают, что на возникновение такого рода иллюзии влияет не только уровень техносреды, но и уровень культуры. Я бы обозначил точнее: это то, что мы называем состоянием духа. Итак, исходя из того, что дух, духовность – это способ связи человека и мира, Сольдан показывает, как эта связь разрушается и утрачивается у людей слабых духом.

Как утверждают современные философы, дух – это и есть опыт идеального постижения человеком мира путем психической деятельности, то есть деятельности его нервной системы. «Духовность» человека и общества формируется на основе духа, идеального постижения ими мира. Но, в отличие от духа, духовность включает компоненты, характеризующие гуманизм, выражающийся в человеколюбии, милосердии, человечности; сопричастности, а также проникнутое духом гуманизма поведение и деятельность. При этом критерием духовности выступает именно гуманизм и, наоборот, бездуховность проявляется в антигуманизме, бесчеловечности, эгоизме, корысти, жестокости.

Виртуальное пространство как бы выворачивает человека наизнанку, переворачивает его систему ценностей (или подменяет ее), делает человека, как ему поначалу кажется, безнаказанным. Вот пример из российской жизни.

Как сообщило РИА "Новости", молодой человек в сентябре 2008 года вычислил пароль своей 26-летней знакомой на сайте "Одноклассники", проник туда и заменил ее фотографии на эротические. При этом мужчина подобрал эротические фото, на которых была изображена девушка, очень похожая на хозяйку интернет-страницы. После смены фотографий он сменил пароли на странице, чтобы девушка не смогла убрать фотографии. Друзья сообщили потерпевшей, что в "Одноклассниках" на ее странице размещены эротические фото. Когда та захотела удалить фотографии, то не смогла этого сделать из-за смены пароля и обратилась в правоохранительные органы с просьбой разобраться в ситуации.

Итак, реальность не безлична. Реальность дает адекватный ответ. Реальность наказывает, как в случае с молодым россиянином (он был осуждён). Реальность мстит, как в случае с героем «Цифровых грёз» (он покончил собой).

Отъявленным кибер-панкам новейшей формации роман Сольдана может показаться даже скучным. Один из них оставил в Сети следующий отзыв:

Недавно таки приобрёл себе Эдмундо Пас Сольдана "Цифровые грёзы", на обороте книжки некие источники пели дифирамбы этому автору, приписывая ему звание Гибсона Латинской Америки, а не деле оказалась скучная байда о нехитрых проделках в фотошопе...

Увы, беда таких «спецов» в том, что даже им порой не по силам разглядеть точное «разрешение» романа, различить все те «пиксели» «Цифровых грёз», которые несут на себе «цвет, интенсивность и другие характеристики изображения». А оно многослойно и мозаично. Как сама жизнь. Как само общество. Как человек... Человек, который в очередной раз сталкивается с вопросами: можно ли воплощать свои честолюбивые мечты путем компромисса с совестью? имеет ли он право с помощью новейших технологий изменять существующую реальность? может ли он вообще соперничать с Творцом?